

УДК 342.724.3.440

https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/49

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КАК ВИД, ФОРМА (ЕСТЕСТВЕННОЕ И ЛОГИЧНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ) ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ИЛИ ПОЧЕМУ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ (ФРАНЦИЯ, ГЕРМАНИЯ, США, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ НЕТ НИКАКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ МЕЖДУ УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ И НАДЗОРОМ

©*Иманкулов Т. И.*, ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-код: 3846-5907, д-р юрид. наук,
Кыргызский национальный университет им. Жусуна Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, timur232007@mail.ru

CRIMINAL PROSECUTION AS A TYPE, FORM (NATURAL AND LOGICAL CONTINUATION) OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OR WHY IN FOREIGN COUNTRIES (FRANCE, GERMANY, USA, GREAT BRITAIN) THERE IS NO SEPARATION AND OPPOSITION BETWEEN CRIMINAL PROSECUTION AND SUPERVISION IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

©*Imankulov T.*, ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-code: 3846-5907, Dr. habil.,
Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, timur232007@mail.ru

Аннотация. На основе сравнительно-правового анализа сущности понятия «уголовное преследование прокурора» сделан вывод о том, что в развитых европейских демократиях в деятельности прокуратуры нет никакого разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором. Само по себе осуществление прокурором уголовного преследования рассматривается как деятельность в интересах общества и граждан от имени государства и только в контексте принципа беспристрастности, то есть само прокурорское уголовное преследование немислимо без требования неукоснительного соблюдения закона. Такой подход представляется теоретически и практически верным и обоснованным.

Abstract. On the basis of a comparative legal analysis of the essence of the concept of 'criminal prosecution of a prosecutor', it was concluded that in developed European democracies in the activities of the prosecutor's office there is no separation and opposition between criminal prosecution and supervision. In itself, the implementation of criminal prosecution by the prosecutor is considered as an activity in the interests of society and citizens on behalf of the state and only in the context of the principle of impartiality, that is, the prosecutorial criminal prosecution itself is unthinkable without the requirement of strict compliance with the law. This approach seems to be theoretically and practically correct and justified.

Ключевые слова: Франция, Германия, США, Великобритания, прокуратура, уголовное преследование, прокурорский надзор, международный уголовный суд, следственный судья, законность, обвинение.

Keywords: France, Germany, USA, Great Britain, prosecutor's office, criminal prosecution, prosecutor's supervision, International Criminal Court, investigating judge, legality, prosecution.

Рассуждая о непоследовательности и непродуманности предлагаемых изменений, задаешься вопросом: почему сегодня в Кыргызстане Президент Кыргызской Республики хочет освободить прокуратуру от обязанности бороться с преступностью?

Так как справки-обоснования проектов законов Кыргызской Республики о внесении изменений в УПК КР в части лишения прокуратуры следствия по уголовным делам, за исключением военнослужащих; о внесении изменений в Конституционный Закон КР «О прокуратуре Кыргызской Республики» не содержат научной экспертизы (хотя это обязательное требование по закону об НПА), то я вынужден сам предоставить краткое, очень краткое, историко-правовое исследование, обзор становления прокуратуры в мире, чтобы было наглядно понятно, насколько сегодня у нас два данных закона грамотно сконструированы в части полномочий прокуратуры, точнее, ее обязанностей и прав как для защиты прав человека, борьбы с преступностью, ее координации. Я бы понемногу вводил бы надзор прокуратуры за всеми физическими и юридическими лицами (ну как вводил, это же было при Союзе, возвращал), чтобы люди не шли к блогерам, а шли в главный правозащитный орган государства — прокуратуру. Пусть она работает на полную мощь, а то государство получается ей «закрывает клапаны» и та работает на 30% от возможной эффективности, а это в свою очередь не нравится, в связи с чем ее надо вообще лишить реальных полномочий в сфере борьбы с преступностью с одновременной защитой прав человека (с поправкой на высшие ценности, другими словами). Так и СМИ не надо будет преследовать, ограничивать. Все провокационные пропагандистские манипуляции с информацией будут сведены на нет в связи с появлением, точнее, в связи с возвращением прокурору обязанности надзора за всеми физическими и юридическими лицами независимо от формы собственности, когда люди хотят независимую проверку.

Итак, следует отметить, в процессуальной литературе роль прокурора традиционно рассматривалась через призму его надзорной деятельности. В советский период, как обоснованно подчеркивает С. М. Казанцев «красная, рабоче-крестьянская прокуратура всячески открещивалась от старой дореволюционной прокуратуры», «считалось, что она якобы не имеет ничего общего с антинародными царской прокуратурой и прокуратурой Временного правительства» [1].

Такое размежевание требовало законодательного и научного обоснования. По Уставу Уголовного судопроизводства 1864 года прокурор был субъектом, ответственным за осуществление уголовного преследования (<https://goo.su/ezLsB9>).

Аналогичная функция или полномочие прокурора закреплена в ст. 105 Конституции Кыргызской Республики: органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование.

Как пишет в этой связи А. Ю. Чурикова, дублирование положений Устава Уголовного судопроизводства для советского законодательства было неприемлемо (то есть надо было заменить термин «уголовное преследование» просто другим термином только из революционных политических соображений, только из-за этого [2]. Еще один вывод: и в царское время и в советское время уголовное преследование было главным полномочием прокуратуры, которое включало в себя и прокурорский надзор соответственно за следствием и ОРД, не говоря уже о других, все остальные надзорные полномочия прокуратуры являются как бы разновидностями уголовного преследования в широком смысле, исходя из тяжести и степени общественной опасности, и наоборот, прокурорский надзор предполагает такой правовой акт прокурора как постановление о ВУД), в связи с чем появилось законодательное закрепление осуществления прокурором не уголовного преследования, а «высшего надзора». Опираясь на законодательное определение прокурорской деятельности как осуществление

«высшего надзора», М. А. Чельцов, В. Г. Даев, Н. С. Алексеев и все другие советские авторы обосновали концепцию, согласно которой на протяжении уголовного судопроизводства единственной функцией прокурора надзор соблюдением законов [3].

Уголовное преследование, расследование, руководство расследованием все это рассматривались в качестве правовых средств, используемых прокурором при осуществлении надзора за законностью. Полномочия прокурора по отмене незаконных и необоснованных решений следователя, отстранению его от расследования уголовного дела, возвращению дело для производства дополнительного расследования, даче следователю указания характеризовались как полномочия надзорного характера, которые позволяли прокурору предупредить и устранить нарушения закона.

Интересна роль прокурора в защите прав государства. Если на уровне международных отношений прокурор выступает следователем, то почему тогда его роль внутри государства должна быть другой? Ярким доказательством тому является правовой статус прокурора в Международном уголовном суде. Одной из ключевых наднациональных организаций, осуществляющих уголовное правосудие, является Международный уголовный суд (далее – МУС), учрежденный на основе Римского статута и начавший свою деятельность после ратификации данного Статута 60 государствами (с июля 2002 г.). Международный уголовный суд является первым постоянным международным уголовным судом, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Деятельность прокурора в Международном уголовном суде урегулирована Римским Статутом и Правилами процедуры и доказывания в МУС (<https://goo.su/w0qvh>).

Согласно ст. 42 Римского Статута и правилу 11 Правил процедуры и доказывания деятельность прокурора по «возбуждению расследования» вправе исполнять лишь сам Прокурор и его заместители; остальные же полномочия (например, выполнение следственных действий при расследовании) могут быть делегированы Прокурором или его заместителями сотрудникам Канцелярии Прокурора (в частности, входящим в нее следователям). В последнем случае Прокурор осуществляет руководство расследованием, производимым данными должностными лицами. Целью деятельности прокурора при Международном уголовном суде выступает достижение социальной справедливости, то есть защита прав и законных интересов международного сообщества и частных лиц путем привлечения к уголовной ответственности лиц, истинно виновных в совершении преступления, в связи с чем целью доказывания, производимого прокурором, является установление истины. В соответствии со ст. 54 Статута Прокурор «производит расследование с целью установления истины». Он обязан «охватить все факты и доказательства, относящиеся к оценке того, наступает ли уголовная ответственность в соответствии Статутом, и при этом в равной мере расследует обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности» (пп. а п. 1 ст. 54 Статута). Прокурор в Международном уголовном суде выполняет две основных функции: расследования и уголовного преследования. Данным функциям соответствуют и возложенные на прокурора полномочия. Согласно ч. 1 ст. 15 Статута «прокурор может возбуждать расследование *proprio motu* на основе информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда».

Перед «возбуждением расследования» прокурор производит предварительную проверку. С этой целью он может истребовать любую необходимую информацию, может получать письменные или устные свидетельства в месте пребывания Суда (то есть, по сути,

опрашивать лиц в письменной или устной форме) (ст. 15 ч. 2 Статута). Если итогам проверки прокурор принимает решение о необходимости начала расследования, он «обращается в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования вместе с любыми подкрепляющими эту просьбу собранными материалами» (ст. 15 ч. 3 Статута). В случае же, когда по итогам проверки прокурор приходит к выводу о том, что представленная информация не содержит в себе достаточных оснований для расследования, то он информирует об этом тех, кто представил эту информацию (ч. 6 ст. 15 Статута).

При проведении расследования прокурор в соответствии с п. 3 ст. 54 Статута уполномочен собирать и изучать доказательства; требовать явки и допрашивать лиц, находящихся под следствием, потерпевших и свидетелей; заручаться содействием любого государства либо межправительственной организации согласно соответствующим полномочиям и/или мандатам; заключать такие соглашения или договоренности, не противоречащие Статуту, какие могут потребоваться для облегчения сотрудничества стороны какого-либо государства, межправительственной организации или лица; давать согласие на нераскрытие на любом этапе производства документов или информации, которые были получены прокурором на условиях сохранения конфиденциальности, и только для цели получения новых доказательств, если только лицо, предоставившее такие документы и информацию, не дает на это своего согласия; принимать необходимые меры или просить о принятии необходимых мер для обеспечения конфиденциальности информации, защиты любого лица или сохранности доказательств.

При расследовании Прокурор обязан принимать надлежащие меры для обеспечения эффективного расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, соблюдая при этом интересы и личные обстоятельства потерпевших и свидетелей, в том числе возраст, гендерный фактор и состояние здоровья, а также учитывая характер преступлений, в частности преступлений, связанных с сексуальным насилием, гендерным насилием в отношении детей (пп. а, 1 ст. 54 Статута).

О выполнении следственных действий на территории государства-участника без его согласия (пп. а, d п. 3 ст. 57 Статута), о выдаче ордера на арест или приказа о в связи с 186 явке (ст. 58 Статута) прокурор ходатайствует перед Палатой предварительного производства.

Отмечается, что деятельность прокурора в Международном уголовном суде в полной мере соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права и заслуживает пристального внимания процессуалистов.

Франция. Задача органов прокуратуры состоит в том, чтобы руководить расследованием и расследовать правонарушения, проступки и преступления и принимать решение о последующих действиях в соответствии с положениями ст. 40-1 УПК Франции. В суде прокурор представляет общество. Его главная задача — найти и привлечь к ответственности за правонарушения лиц, истинно виновных в их совершении, причем как непосредственно (по ряду дел), так и опосредованно путем руководства расследованием. Прокуроры направляют расследование по уголовному делу, разыскивают виновных и требуют, чтобы они предстали перед судом.

Стоит отметить, что объект, на который направлена деятельность прокуроров Франции в уголовном процессе, носит двойственный характер, что отражается в делегированных им полномочиях. Вся поступившая информация о преступлениях и проступках первоначально проходит через полицию и прокуроров, под руководством которых осуществляется полицейское расследование. В дальнейшем прокурор как бесспорный и единственный

руководитель уголовного преследования определяет — раскрывать ли собранную «судебную информацию» перед следственным судьей (*du juge d'instruction*), передавая им фактически дело для осуществления расследования. Самим расследованием, осуществляемым судебными следователями, прокуроры фактически не руководят, но продолжают руководить уголовным преследованием, являясь главными субъектами, оценивающими его целесообразность и судебную перспективу. Таким образом, в качестве объектов деятельности прокуроров Франции можно выделить уголовно-процессуальную деятельность полиции и деятельность по расследованию уголовного дела следственным судьей. Исходя из обозначенных целей, задач и объектов деятельности, органы прокуратуры Франции выполняют следующие функции: уголовное преследование; руководство полицейским расследованием; расследование; реализация уголовной политики путем применения мер, альтернативных уголовному преследованию.

В контексте осуществления прокурором уголовного преследования он, обладая сам прерогативами сотрудника судебной полиции, также направляет деятельность агентов сотрудников судебной полиции в пределах своей юрисдикции. Прокурор в обязательном порядке информируется о преступлениях и правонарушениях, руководит проведением расследования, осуществляет надзор за мерами содержания под стражей, продление которых он также санкционирует (ст. 53-74-2 УПК Франции).

Прокурор руководит полицейским предварительным расследованием (ст. 75-78 УПК Франции). Он руководит действиями судебной полиции и организует все действия, необходимые для обыска, уголовного преследования, ареста и возможного задержания лиц, совершивших уголовные преступления. Он санкционирует любое продление срока содержания под стражей в полиции. Также прокурор решает раскрывать или нет собранную информацию, когда сформировано обвинение, путем обращения к следственному судье (после этого следственный судья будет отвечать за расследование) (ст. 40, 79 и 80 УПК Франции).

Прокуроры лично и через своих заместителей поддерживают обвинение в суде первой инстанции, представляя при этом в первую очередь публичные интересы. В соответствии со ст. L122-4 Кодекса организации судопроизводства действует принцип неделимости обвинения, означающий, что каждый процессуальный акт может быть осуществлен любым из государственных обвинителей. Этот принцип имеет общее применение и поэтому относится к осуществлению прокурорами их деятельности как в судебном, так и в досудебном производстве. При этом прокуроры во Франции наделены обширными дискреционными полномочиями. Когда прокурор считает, что факты, которые были доведены до его сведения в соответствии с положениями статьи 40 УПК Франции, представляют собой правонарушение, совершенное лицом, личность и место жительства которого отношении которого нет препятствий для начала уголовного преследования, он принимает решение, целесообразно ли: 1) начать разбирательство; 2) применять альтернативную процедуру уголовного преследования в соответствии с положениями статей 41-1 или 41-2 УПК Франции; 3) прекратить процедуру, когда конкретные обстоятельства, связанные с совершением деяния, позволяют это сделать.

Следует отметить, что во французской судебной системе в силу принципа целесообразности уголовного преследования прокурор является единственным «судьей» при применении мер, которые должны быть приняты в отношении правонарушителя. Именно эта особенность французской правовой системы, в основном, и породила бурную дискуссию о квази-судебных задачах и полномочиях французской прокуратуры предложенных

соответствующим изменениям Конституции Французской Республики с целью обеспечения большей независимости органов прокуратуры от исполнительной власти.

Французская модель прокуратуры, «при которой должностные лица фактически обладают монополией уголовное преследование рамках инквизиционной системы» по-прежнему сохранилась. Франция пошла по пути совершенствования данной модели посредством законодательного закрепления принципов деятельности органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве. Рассмотренная модель является воплощением сильной «прокурорской власти» с все возрастающей ролью в сфере уголовного процесса. Это проявляется не только в осуществляемых функциях и полномочиях, но и в создании специализированных органов прокуратуры, ответственных за осуществление уголовного преследования в отдельных случаях (национальные финансовая антитеррористическая и прокуратуры). При этом в деятельности прокуратуры нет никакого разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором. Само по себе осуществление прокурором уголовного преследования рассматривается как деятельность в интересах общества и граждан от имени государства и только в контексте принципа беспристрастности, то есть само прокурорское уголовное преследование во Франции немислимо без требования неукоснительного соблюдения закона. Такой подход представляется теоретически и практически верным и обоснованным.

Кроме того, как видно из проведенного анализа, принципы, цели и задачи деятельности прокурора являются ключевыми структурными элементами правовой модели и прямо влияют на выполняемые прокурорами функции и полномочия. Этот факт имеет значение определения точек воздействия при преобразовании правовой модели.

Правовая модель деятельности прокурора уголовном процессе Германии. Согласно закону производство расследования в полном объеме относится к компетенции прокуратуры (§ 160 УПК ФРГ). Однако в германской процессуальной доктрине прокурор рассматривается не как сторона уголовном судопроизводстве. Такая позиция обусловлена несколькими факторами. Во-первых, целью германского уголовного судопроизводства признается установление истины по делу, что и определяет конечную цель деятельности прокурора как содействие правосудию в установлении истины. Во-вторых, деятельность прокурора в УПК ФРГ урегулирована согласно стоящей перед ним цели, поэтому предусматривается, например, что прокурор должен устанавливать в равной степени как изобличающие, так и оправдывающие обстоятельства (§160 п. 2 УПК ФРГ). Германскими процессуалистами данные положения трактуются как отрицание состязательности уголовного судопроизводства в виде столкновения и противоборства сторон. Прокурор, как и все обвинение, «не является «противником» подозреваемому или обвиняемому».

В соответствии с целью, стоящей перед прокурорами в их уголовно процессуальной деятельности, можно выделить и задачи, выполнение которых служит достижению указанной цели: 1) объективное и справедливое установление обстоятельств дела; 2) объективное обвинение.

Защита прав и законных интересов личности не выделяется в качестве самостоятельной задачи прокуроров Германии. В связи с этим у них не возникает практически никаких обязанностей по отношению к потерпевшим, которые в уголовном процессе ФРГ занимают положение «наиболее осведомленных свидетелей» немногочисленными правами. Обозначенные задачи обуславливают выполняемые прокурорами Германии одновременно функции с расследования и уголовного преследования.

Прокуроры, а наряду с ними и полиция, производят дознание. В германской

процессуальной литературе подчеркивается, что хозяином дознания является прокуратура как орган юстиции, орган законности и правопорядка. Соответственно, расследование осуществляют прокуроры и должностные лица органов полиции под руководством прокуроров. Прокурорами в Германии расследуется значительное уголовное дел. Например, прокуратурой Мюнхена I ежегодно расследуется от 110 000 до 135 000 дел в отношении конкретных лиц и почти 70 000 дел против неизвестных лиц.

Прокурор принимает решения о производстве следственных действий по своему усмотрению, что соответствует принципу «свободного доказывания». Согласно §161 п. а УПК ФРГ он вправе допрашивать свидетелей и экспертов, перед предъявлением обвинения обязан допросить обвиняемого (§163 п. а УПК ФРГ). В то же время принятие решений о производстве определенных следственных действий, которые по УПК ФРГ являются мерами принуждения, таких, как обыск (§102), (§94), предварительный арест (§125), освидетельствование обвиняемых и других лиц (§163 п. б), связанных с ограничением личной свободы граждан, неприкосновенности жилища и других прав и свобод, провозглашаемых конституцией ФРГ, относится компетенции специального судьи, который уполномочен принимать решения только в досудебном производстве и не участвует в дальнейшем судебном разбирательстве по данному уголовному делу.

Деятельность прокуроров в уголовном процессе Соединенных Штатов. Аторнеи в США, в отличие от прокуроров в Великобритании и России, являются фигурами в первую очередь политическими. Они состоят в политических партиях и избираются как депутаты.

Такая политизированность прокурорской деятельности, запрещенная международно-правовыми нормами, в некоторых случаях может приводить и к осуществлению американскими прокурорами незаконного, политизированного может в уголовного преследования. Примером тому служить деятельность федерального аторнея северного района штата Алабама — Алисы Мартин.

По мнению А. Ю. Чуриковой, именно в силу оперативной составляющей деятельности прокуроров США, ее ярко выраженной обвинительной направленности, существенное влияние на которую не могут оказать даже имплементированные положения международно-правовых норм о необходимости осуществления справедливого и обоснованного уголовного преследования, американские юристы не всегда представляют, как прокуроры могут осуществлять правозащитные полномочия [2].

В зависимости от различий в правовом регулировании этих элементов деятельности прокурора в досудебном производстве можно выделить две группы правовых моделей:

- правовые модели, в которых прокурор одновременно осуществляет функции и расследования, и государственного уголовного преследования (Германия, США, Франция);
- правовые модели, где на прокурора в досудебном производстве возложено осуществление только функции государственного уголовного преследования (Великобритания, Россия).

В зависимости от объекта деятельности и объема полномочий существуют модели: единым объектом обширными полномочиями прокуроров с и (Великобритания, США, Германия); с разграничением объектов и как следствие разграничением полномочий в зависимости от объектов (Франция, Россия). Некоторые аспекты правового регулирования деятельности прокурора в странах постсоветского пространства. При анализе положений уголовно процессуального законодательства Грузии становится очевидным, что прокуратура помимо монополии на уголовное преследование наделена также обширными полномочиями по руководству расследованием, а также возможностью непосредственного

проведения расследования уголовных дел. При этом уголовно процессуальным законодательством Грузии на прокурора не возлагается проверка законности и обоснованности производимых органами расследования следственных действий и принимаемых решений. Кроме того, в УПК Грузии отсутствуют прямые упоминания необходимости осуществления уголовного преследования объективно, беспристрастно, либо законно (как это имеет место быть в законодательстве Франции, Германии, Англии и Уэльса). Таким образом, грузинский законодатель предпринял попытку закрепить модель деятельности прокурора как субъекта осуществляющего уголовное преследование дискреционного типа.

А. Ю. Чурикова отмечает, что в Грузии сохранилась советская модель деятельности прокурора, при которой декларируется в качестве основной функция надзора, но закреплены и осуществляются полномочия по руководству и этом предварительным расследованием уголовным преследованием, уголовное преследование строится по типу обязательного (отсутствуют положения о его дискреционности) [2]. Позитивным в данной модели является требование законности и обоснованности как ключевой доминанты деятельности прокурора.

Схожие положения содержит в себе и Уголовно-процессуальный кодекс Украины, в котором прямо указано, что прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства предварительным расследованием (ч. 2 ст. 36 УПК Украины). Примечательно, что из УПК Украины были фактически полностью исключены положения об уголовном преследовании (об уголовном преследовании упоминается статье 542 УПК Украины, регламентирующей объем международного сотрудничества). При этом, согласно ч. 4 ст. 22 УПК Украины именно на прокурора возлагается сообщение лицу о подозрении в совершении уголовного преступления, также обращение с обвинительным лишь в а актом и поддержание государственного обвинения в суде. Таким образом, попытка украинского законодателя отказаться от термина уголовное преследование, не меняет сути осуществляемой прокурором деятельности. В УПК Украины фактически сохранена советская модель деятельности прокурора с обширными полномочиями по руководству предварительным расследованием и уголовным преследованием.

Культурно-исторические предпосылки формирования российской модели деятельности прокурора. По мнению С. М. Казанцева, российская прокуратура включала в себя элементы французской прокуратуры, шведских омбудсменов, немецких фискалов и чисто русские моменты. Из Франции, помимо названия, была заимствована главная функция — что надзор за точным исполнением закона тем органом, при котором находится прокурор. Однако, по своему назначению русский генерал-прокурор был ближе шведскому омбудсмену, основной задачей которого была защита прав и свобод населения от нарушений со стороны властей. Необходимость реализации поставленной перед прокурором цели обусловила его основную и на тот период единственную функцию — надзор. Выполнение данной функции возлагалось на каждое должностное лицо, имевшее прокурорский чин.

В 1922 г., в так называемый переходный период, когда законы Российской Империи были упразднены, а законы новообразованного государства еще не были приняты, нарушения общепризнанных прав граждан стали повсеместны, особенно остро это проявлялось в сфере уголовного судопроизводства. Помимо этого, как только государственно-правовая ситуация начала нормализовываться и стали приниматься законы, необходимость в государственном органе, целью деятельности которого являлось бы слежение за единообразным и неукоснительным соблюдением законов, только возросла. В связи с этим в 1922 г. было

принято «Положение о прокурорском надзоре». Нормы, содержащиеся в данном положении, а также в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и 1923 г. во многом дублировали положения Устава уголовного судопроизводства и лишь одно принципиальное отличие: теперь указания прокурора для следователей стали обязательными и обжалованию не подлежали. Согласно «Положению о прокурорском надзоре» 1922 г. на прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса было возложено: имели всех 1) осуществление от имени государства надзора за законностью деятельности органов власти путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования постановлений, принятых в нарушение закона; 2) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов в области раскрытия преступлений, деятельностью органов Государственного Политического Управления; 3) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей; 4) возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц, как по собственной инициативе, так и по поступающим к нему жалобам и а также заявлениям; 5) надзор за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим, связанным с предварительным следствием вопросам; 6) разрешение вопроса о предании суду и прекращении дел, поступающих к нему от органов дознания. Предложения прокурора о предании суду по данной категории направлялись непосредственно в суд; 7) утверждение обвинительных заключений по всем делам, по которым производилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановление о прекращении дела в случаях несогласия прокурора с заключением следователя, с направлением таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения (решение о прекращении уголовного дела принималось только судом); 8) участие в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду и прекращении дел во всех случаях, когда прокурор признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым.

Дознание стало формой предварительного расследования и постепенно грань между деятельностью, осуществляемой в ходе дознания и предварительного следствия, стала несущественной, и выполняемые прокурором полномочия в отношении этих органов перестали различаться. В эти годы государству, прежде всего, требовалась мощная машина обвинения, так как на первый план вышла борьба с преступностью, защита публичных интересов (Сейчас тоже требуется борьба с преступностью, потому что все угрозы национальной безопасности имеют характер преступлений, защита государства тем более сейчас актуальна, когда приграничные вопросы решаются сложно).

Но в то же время существовала острая необходимость в слежении за единообразным и неукоснительным соблюдением законов. Деятельность прокурора в уголовном процессе стала приобретать все большую обвинительную направленность, при этом параллельно росло и количество полномочий по надзору за соблюдением законов.

В «Положении о прокурорском надзоре в СССР» 1955 года и в «Основах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» 1958 года, в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года полномочия, которыми был наделен прокурор в отношении органов дознания и органов предварительного следствия, были одинаковыми, и прокурор стал полномочным руководителем предварительного расследования в любых его формах, а также стал самостоятельно осуществлять расследование по уголовным делам.

Положением о прокурорском надзоре в СССР 1955 года перед прокурором в уголовном судопроизводстве были поставлены следующие задачи: 1) привлекать к уголовной

ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности; 2) строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергнулся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах; 3) следить за неуклонным соблюдением органами дознания и предварительного следствия установленного законом порядка расследования преступлений.

Постановка перед прокурором таких задач предопределяла фактическое выполнение им соответствующих функций в уголовном процессе: надзора, уголовного преследования и руководства предварительным расследованием. В связи, с чем в советской научной доктрине уголовное преследование и руководство предварительным расследованием чаще всего не рассматривались как самостоятельные функции прокурора; осуществление данных видов деятельности совершенно обоснованно представлялось как проявление надзора в уголовном судопроизводстве, как его реализация [4].

Таким образом, сложилась обвинительная правовая модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, для которой была свойственна постановка в качестве цели деятельности не только слежение за единообразным и неукоснительным соблюдением законов и защита прав личности, но и борьба с преступностью (мой комментарий — Почему тогда сегодня в Кыргызстане Администрация Президента КР хочет освободить прокуратуру от обязанности бороться с преступностью? Откуда такая ретивость в данном стремлении? Неужели Администрация Президента КР не в курсе того, что Кыргызстан захлестнула преступность мошенников, коррупционеров, насильников, хулиганов, иностранцев и др.?).

Данная модель правового регулирования деятельности прокурора сложилась в сложный для России исторический период, когда силу необходимости государственные и общественные интересы в уголовном процессе были выдвинуты на первый план, и государству требовалась мощная обвинительная система (мой комментарий — неужели в настоящее время в Кыргызстане исторический период легкий, когда сведены на нет все угрозы национальной безопасности, в том числе когда преступность находится на так сказать социально одобряемом уровне? Боюсь, что нет, но конечно, хочется надеяться, что такое время когда-нибудь у нас все же настанет).

На сегодня в российской науке одним из самых спорных моментов является определение того, является ли надзор частью функции уголовного преследования или же наоборот — уголовное преследование является естественным продолжением надзора. Так, А. Ю. Чурикова считает правильной точку зрения профессора В. С. Шадрина о том, что «прокурорский надзор, согласно УПК РФ, охватывается функцией уголовного преследования», и поэтому необходимо «честно, без ханжества признать и недвусмысленно закрепить в законе, что прокурор является руководителем и организатором всей системы уголовного преследования» [2]. Как представляется, прокурорский надзор не требуется выделять в качестве отдельной самостоятельной функции прокурора в уголовном процессе. Подтверждение этому мы находим при анализе законодательства, регулирующего уголовно-процессуальную деятельность прокурора в зарубежных государствах. В законодательстве практически всех зарубежных государств отсутствует упоминание надзора как функции прокурора в сфере уголовного судопроизводства. Однако, во всех этих государствах в качестве базовых закреплены такие принципы деятельности прокурора, как беспристрастность, справедливость, объективность. И поэтому здесь очень трудно определить единственную роль прокурора только как государственного обвинителя, сторону

обвинения.

Назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, отвечает только законное и обоснованное уголовное преследование. Мы должны учитывать, прокурор утверждает обвинительное заключение (акт, постановление) выступает в дальнейшем уголовному делу роли государственного обвинителя. Именно поэтому вся ответственность за качество осуществляемого уголовного преследования фактически лежит на прокуроре, который всегда обязан учитывать в своей деятельности, в том числе в досудебном производстве, что реализация назначения уголовного процесса невозможна без осуществления органами предварительного расследования только законного обоснованного уголовного преследования. Фактически, осуществляя так называемые надзорные полномочия, прокурор направляет ход расследования и уголовного преследования в сторону его законности и обоснованности. Ведь суть уголовного преследования заключается не в том, чтобы отыскать любого и обвинить любыми способами и средствами, а в том, чтобы изобличить истинно виновное лицо и привлечь его, используя исключительно законные средства и методы, с должным обоснованием.

По мнению А. Ю. Чуриковой, в уголовно-процессуальной деятельности прокурора надзор носит вспомогательный характер, обеспечивая реализацию законного и обоснованного уголовного преследования. Надзор действительно является неотъемлемой частью деятельности прокурора в уголовном процессе, но не как представителя надзорного органа, а как представителя государства, отвечающего за законность и обоснованность уголовного преследования, осуществляемого от имени государства [2].

Таким образом, надзор необходим прокурору для качественного осуществления уголовного преследования, эффективной борьбы с преступностью с момента формирования замысла преступления, подготовки. С другой стороны, прокурор, выявив в ходе надзора факт преступления, должен довести до конца свою работу путем перехода в плоскость УПК. Именно такое представление о деятельности прокурора и о соотношении выполняемых им функций, по мнению А. Ю. Чуриковой, соответствует и российской действительности, и зарубежной практике [2]. При анализе правового регулирования деятельности прокурора в уголовном процессе европейских государств приходит к выводу о том, что «во всех западных странах прокуратура выступает в качестве органа обвинения, однако при всем этом в деятельности прокуратуры и есть основной принцип, свойственный прокурорской системе в демократическом режиме, — обеспечение прав человека и гражданина». Например, ключевыми обязанностями прокуроров в уголовном процессе Англии и Уэльса являются «защита общества, преследуя по суду твердо и справедливо, открытым, прозрачным и независимым способом; обязательство и их поддерживать жертв и свидетелей, позволяя, поощряя поддерживая действенное участие во всех стадиях уголовного судопроизводства; обязательство отправлять правосудие в каждом случае; и обязательство уважать и защищать права лиц затронутых решениями, принимаемыми в сфере уголовного всех в судопроизводства, вне зависимости являются ли они жертвами, свидетелями, или обвиняемыми». То, что в отечественной уголовно-процессуальной деятельности прокурора принято называть надзором, осуществляют прокуроры большинства зарубежных государств, но там эти полномочия рассматриваются как обеспечение прав человека и гражданина при осуществлении уголовного преследования [3].

Таким образом, во всех развитых европейских демократиях прокурору присущ надзор, но называется он там по-другому: не надзор, а обеспечение прав человека и гражданина при осуществлении уголовного преследования. На основании изложенного хочется верить

несмотря ни на какие пессимистичные прогнозы развития нашей республики, что для эффективной борьбы с преступностью лишение прокуратуры следствия в Кыргызской Республике будет признано неконституционным, ненаучным, не соответствующим теоретико-правовому статусу прокуратуры как органа уголовного преследования и надзора в любом правовом государстве, как западном, так и евразийском, а проекты законов КР о внесении изменений в УПК КР в части лишения прокуратуры следствия по уголовным делам, за исключением военнослужащих; и о внесении изменений в Конституционный Закон КР «О прокуратуре КР» будут признаны утратившими силу по данным причинам.

Список литературы:

1. Казанцев С. М. Прокуратура Российской империи: историко-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2003.
2. Чурикова А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. М.: Изд-во Триумф, 2022. 285 с.
3. Чельцов-Бebutov М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. М.: Госюриздат, 1957.
4. Цыпкин А. Л. Сущность уголовно-процессуальной функции прокурора // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. С. 17-19.

References:

1. Kazantsev, S. M. (2003). Prokuratura Rossiiskoi imperii: istoriko-pravovoe issledovani: diss. ... d-r yurid. nauk. St. Petersburg. (in Russian).
2. Churikova, A. Yu. (2022). Pravovaya model' deyatelnosti prokurora v rossiiskom i zarubezhnom ugovnom protsesse. Moscow. (in Russian).
3. Cheltsov-Bebutov, M. A. (1957). Kurs sovetskogo ugovno-protsessual'nogo prava. Moscow. (in Russian).
4. Tsypkin, A. L. (1974). Sushchnost' ugovno-protsessual'noi funktsii prokurora. In *Voprosy teorii i praktiki prokurorskogo nadzora. Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik, Saratov*, 17-19. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 25.04.2023 г.*

*Принята к публикации
02.05.2023 г.*

Ссылка для цитирования:

Иманкулов Т. И. Уголовное преследование как вид, форма (естественное и логичное продолжение) прокурорского надзора или почему в иностранных государствах (Франция, Германия, США, Великобритания) в деятельности прокуратуры нет никакого разделения и противопоставления между уголовным преследованием и надзором // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №7. С. 351-362. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/49>

Cite as (APA):

Imankulov, T. (2023). Criminal Prosecution as a Type, Form (Natural and Logical Continuation) of Prosecutorial Supervision or Why in Foreign Countries (France, Germany, USA, Great Britain) There is No Separation and Opposition Between Criminal Prosecution and Supervision in the Activities of the Prosecutor's Office. *Bulletin of Science and Practice*, 9(7), 351-362. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/49>